

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.12

Ширпотреб и предметы роскоши в повседневной жизни крестьян как отражение модернизационных процессов на рубеже XIX—XX вв.

Анна Дмитриевна Попова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, a.d.popova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9524-3886>

Аннотация. В статье рассмотрено влияние развития промышленности на рост потребительского спроса как показателя модернизационных процессов. Дан анализ эволюции цен на промышленные товары на рубеже XIX—XX веков, изучен процесс трансформации предметов роскоши в товары повседневного спроса. Источниковой базой исследования стали прейскуранты и рекламные объявления в периодических изданиях соответствующего периода. Проанализирована доступность новых промышленных товаров для самого массового социального слоя — крестьянства. Сопоставлены цены на ряд товаров (самовары, чай, ткани, книги и другие) с финансовыми возможностями крестьянских хозяйств. Установлено, что развитие промышленности сильно повлияло на повседневную жизнь российской деревни — крестьянство становилось активным потребителем промышленных товаров. Анализ цен на ряд товаров позволил сделать вывод, что производитель уже рассматривал крестьян как потребителей продукции, предлагая им товары низкого ценового диапазона. Сделан вывод о том, что трансформация повседневной жизни самого широкого социального слоя российского общества в указанный период свидетельствует об активных модернизационных процессах и формировании капиталистических отношений.

Ключевые слова: потребительский рынок, ширпотреб, повседневность, прейскуранты, крестьянство.

Для цитирования: Попова А. Д. Ширпотреб и предметы роскоши в повседневной жизни крестьян как отражение модернизационных процессов на рубеже XIX—XX вв. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 3 (59). С. 188—200. URL: https://vestospu.ru/archive/2026/articles/59/12_59_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.59.12.

Original article

Consumer Goods and Luxury Items in Daily Life of Peasants as a Reflection of Modernization Processes at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Anna D. Popova

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.d.popova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9524-3886>

Abstract. The article examines the impact of industrial development on the growth of consumer demand as an indicator of modernization processes. It analyzes the evolution of industrial prices at the turn of the 19th and 20th centuries and examines the transformation of luxury goods into everyday products. The study draws on price lists and advertisements from periodicals of the period. The availability of new industrial goods for the most massive social stratum — the peasantry — is analyzed. Prices for a range of goods (samovars, tea, fabrics, books, and others) are compared to the resources affordable for peasant households. It is shown that industrial development significantly impacted the daily life of the Russian village, transforming the peasantry into active consumers of industrial goods. The analysis of prices for a range of goods demonstrates that producers already viewed peasants as consumers, offering them goods at low prices. It is concluded that the transformation of everyday life among the broadest social strata of Russian society during this period attests to active modernization processes and the formation of capitalist relations.

© Попова А. Д., 2026

Keywords: consumer market, consumer goods, everyday life, price lists, peasantry.

For citation: Popova A. D. Consumer Goods and Luxury Items in Daily Life of Peasants as a Reflection of Modernization Processes at the Turn of the 19th and 20th Centuries. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 3 (59), pp. 188—200. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.59.12>.

Введение

Процессы развития экономики неизбежно отражаются в повседневной жизни. В то же время и сама повседневная жизнь является зеркалом экономических трансформаций — рождение новых социальных практик повседневности часто является результатом появления новых технологий производства. В частности, появление новых товаров повседневного спроса или изменения цен на них отражают развитие технического прогресса и экономических отношений.

Покупки — значимая составляющая повседневной жизни людей. Цены на конкретные товары повседневного спроса представляют собой важный показатель социальных и экономических изменений. Трансформация предметов роскоши в ширпотреб и обратно может рассматриваться как отражение процесса модернизации, поскольку неотрывно связана с развитием промышленного производства. Падение цены на изделие, выпускаемое на рынок, может свидетельствовать о развитии производства, использовании новых технологий, которые позволили заметно снизить цену. Согласно представлениям У. Ростоу, расширение массового производства и потребления служит важным критерием перехода общества в новую экономическую стадию. Существенным признаком экономического подъема выступает появление новых отраслей, рост спроса на промышленные товары [15, с. 26]. В связи с этим выяснение вопроса о трансформации рынка потребления — важный аспект изучения как повседневной жизни, так и развития экономики в целом.

Рубеж XIX—XX вв. можно назвать периодом первой волны индустриализации в нашей стране. Однако в начале XX в. подавляющая часть российского населения была крестьянской. Это относилось буквально ко всем регионам страны, к представителям всех национальностей, населявших Россию [2; 3]. Поэтому для анализа развития социальных процессов весьма показательным является критерий доступности различных промышленных товаров именно для крестьянства как самой массовой категории потребителей.

В исторической литературе неоднократно ставился вопрос о трансформациях в пореформенной деревне как показателе развития буржуазных отношений и модернизационных процессов. Известный советский исследователь пореформенного крестьянства Б. Г. Литвак отмечал глобальный характер изменений, происходивших в российской деревне и обществе после отмены крепостного права в 1861 г. [10]. Большое внимание трансформации повседневной жизни русской деревни уделяют в своих публикациях З. З. Мухина [14], В. Б. Безгин [2—4], Н. Ф. Беляева [5]. В объемных и многоплановых трудах Б. Н. Миронова трансформация российской деревни показана как часть мощного процесса перерождения традиционного общества [12; 13]. В трудах И. В. Масловой [11] и Н. А. Ивановой [8], посвященных изучению различных аспектов эволюции повседневности других социальных слоев, затронуты аспекты, имеющие значение для понимания крестьянской жизни в указанный период.

Однако в научной литературе ранее не рассматривался вопрос о трансформации рынка товаров повседневного спроса как о показателе изменений социальных отношений, не изучалась динамика цен на товары повседневного спроса в качестве отражения происходящих изменений.

Цель исследования — проследить, как изменение цен на промышленные товары отражает модернизационные процессы, проанализировать степень доступности промышленных новинок для широких слоев населения, рассмотреть появление ширпотреба и предметов роскоши в качестве социальных маркеров происходящих изменений.

Задачи исследования: 1) выявить цены на потребительские товары в начале XX в.; 2) сопоставить их с покупательной способностью крестьян; 3) проследить отношение к появлению новых товаров в крестьянской среде.

Источниковой базой работы послужили прейскуранты, издаваемые различными торговыми домами и фирмами, и рекламные объявления, публикуемые в провинциальных газетах на рубеже XIX—XX вв. Прейскуранты активно использовались производителями и торговыми домами для обслуживания провинциальных клиентов: по требованию они высылались на дом покупателям или содержателям магазинов в губернских или уездных городах, где желающие могли с ними ознакомиться и заказать понравившийся товар. Кроме того, в ходе исследования были привлечены автобиографические записки сельского писателя С. Т. Семенова [17] и картины российских художников-передвижников, запечатлевшие сюжеты сельского быта.

Результаты исследования

Развитие промышленности на рубеже XIX—XX вв. позволило наполнить рынок товарами, стоимость которых делала их доступными широким слоям общества. Однако наиболее показательна доступность промышленных товаров для крестьян, так как именно они оставались самым массовым сословием, а следовательно, и массовым потенциальным потребителем. Поэтому изменения в повседневности крестьян в плане заключаемых ими сделок на рынке или приобретения товаров в лавках можно рассматривать как показатель социальных трансформаций. Нельзя не согласиться с утверждением А. В. Барышникова: «Крестьянство как основная часть населения представляется нам репрезентативным слоем, на примере которого можно проследить экономическую трансформацию, включавшую в себя сочетание старых и новых форм ведения хозяйства» [1, с. 87].

Занятие отхожими промыслами сильно приблизило деревенских жителей к городу: уходя на заработки в город, крестьяне приобщались к новым социальным практикам, имея возможность заходить в городские лавки, где продавали непривычные для деревни вещи — от фабричных тканей до граммофонных пластинок. Как верно отметил Б. Н. Миронов, «отходничество расширяло кругозор, повышало общий культурный уровень, делало крестьян восприимчивыми к иным системам ценностей и способам поведения в обществе» [13, т. 1, с. 339]. Однако и не порвавшие с сельским хозяйством крестьяне были также тесно связаны с городом: на городских базарах сбывалась сельскохозяйственная продукция, а взамен приобретались вещи, произведенные в городе. Поэтому для выяснения покупательной способности крестьян нужно учитывать цены на сельскохозяйственные товары. Эту информацию предоставляет провинциальная пресса, которая регулярно публиковала базарные цены.

Публикация «Рязанского вестника» от 9 марта 1910 г. показывает, что на базаре в Рязани стоимость пуда ржаной муки колебалась от 97 копеек до 1 рубля 3 копеек, гречневой крупы — от 1 рубля 25 копеек до 1 рубля 40 копеек, пуда пшена — от 1 рубля до 1 рубля 5 копеек. Дорого стоили сушеные белые грибы: за фунт просили от 1 рубля до 1 рубля 40 копеек. Яйца стоили 22—25 копеек за десяток. «Казанская газета» от 7 февраля 1910 г. также показывает местные базарные цены. За пуд ржаной муки просили 95 копеек, пуд гречневой крупы стоил 1 рубль 40 копеек, пуд пшена — 1 рубль 50 копеек.

Сегодня иногда можно встретить утверждение о дешевизне продуктов в начале XX в., однако этот вопрос имеет и обратную сторону: низкие цены на сельскохозяйствен-

ные продукты обозначали, что крестьянину надо было продать много своей продукции, чтобы приобрести промышленные товары. А выбор товаров, предназначенных в том числе и для крестьянского быта, постепенно расширялся. На смену лучине приходил керосин: развитие промышленности позволило наладить изготовление дешевых керосиновых ламп, которые становились доступными даже не слишком обеспеченным семьям [10, с. 263]. Первое время керосиновые лампы использовали лишь в особых случаях, однако уже к началу XX в. некоторые прежние способы освещения (лучина, масляная лампа) вышли из обихода [14, с. 85].

В конце XIX в. стал массово входить в повседневную жизнь один из символов русской культуры — самовар и чаепитие. Не случайно самовар как символ гостеприимства, уюта присутствует на многих картинах российских художников. На знаменитой картине Б. М. Кустодиева «Купчиха за чаем» самовар занимает центральное место. Однако пузатому хозяину стола нашлось место и на картинах, изображавших крестьян: на картине Михаила Клодта «За чайком» заморским напитком наслаждается женщина в традиционной крестьянской одежде. На столе стоят самовар, вазочка с сахаром, лежат сушеные ягоды, а на окне — счеты.

Однако самовар стал массовым товаром только к концу XIX в. благодаря развитию промышленности. Яркий образ трансформации российской деревни в пореформенный период дал писатель крестьянского происхождения Сергей Терентьевич Семенов. Он отмечал, что в первые десятилетия после отмены крепостного права его деревня Андреевское в Московской губернии жила очень бедно, большинство изб топились по-черному, а самовары были всего в двух-трех домах [17, с. 3]. Зато в 1890-е гг. употребление чая стало уже обыденным делом. Интересно, что появление самоваров встречало осуждение со стороны старшего поколения: «На самовары в деревне нападали. Особенно старики. Его называли “шипящим медным змием и новым барином”» [17, с. 29]. С. Т. Семенов отмечает, что для крестьянина употребление чая стало важным способом восстановления сил после тяжелой работы: «...чай прогоняет усталость, он нередко служит подспорьем в харчах, заменой варева. Например, в покос или в жнитво какой может быть ужин? Печка топится утром, и к вечеру одно в ней прокиснет, а другое засохнет. При самоваре был бы хлеб, чай с молоком любое вариво заменит» [17, с. 29]. Ради возможности попить чайку с сахаром многие семьи засеивали на одну десятину больше. Именно поэтому самовар и называли барином, так как на него требовалось работать.

Насколько дорогим было приобретение этого «барина»? Прейскуранты тех лет позволяют установить цены на товар. Самовары фабрики наследников Баташова (г. Тула) продавались в двух вариантах: на более изысканные цены устанавливались за штуку. Например, модель под названием «Византийский» стоила в зависимости от объема от 19 рублей 40 копеек до 28 рублей 75 копеек. Самый маленький вмещал 16 стаканов кипятка, а самый большой 31 [18, с. 24]. Еще более изящная модель «Византийский тюльпан», рассчитанная на 34 стакана, предлагалась за 112 рублей [18, с. 28]. Это наиболее дорогая модель из указанных в преysкурante. Самовар «Ваза рококо» на 32 стакана оценивался в 69 рублей [18, с. 34].

Более скромные модели продавались на вес: пуд стоил от 27 до 35 рублей. Самый маленький весил 12 фунтов и вмещал 15 стаканов чая, его стоимость составляла примерно 8 рублей. Самый большой из указанных вмещал более 60 стаканов чая, весил 35 фунтов, следовательно, его стоимость составляла 24 рубля [18, с. 1]. Именно такие самовары массово встречаются в различных музеях, где отражается крестьянский быт. Один из них находится в музее краеведения Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. Его вес составляет 6,5 кг (15,5 фунта, или 0,4 пуда). Вмещал самовар примерно

23—25 стаканов чая. Соответственно, если пуд стоил 27 рублей, то стоимость самовара весом в 6,5 кг составляла 10 рублей 80 копеек. Для его приобретения требовалось реализовать примерно 11 пудов ржаной муки или пшена; немного меньше, примерно 8 пудов, надо было продать гречневой крупы.

Появление широкой линейки одного и того же товара показывает, что производитель ориентировался на покупателей из разных социальных слоев, предлагая товары как для состоятельных, так и для менее обеспеченных людей, к числу которых относились многие крестьяне. Появление ширпотреба, т.е. товара широкого потребления, можно рассматривать как важный атрибут процесса модернизации, вовлечения всех слоев общества в активные товарно-денежные отношения.

Однако если покупка самовара — это приобретение на многие годы, то сам чай представлял собой расходный материал. Его стоимость была внушительной: в 1870 г. реклама фирмы И. И. Корещенко предлагала приобрести различные сорта чая. Стоимость 1 фунта чая стартовала с 1 рубля 20 копеек. Более дорогой сорт «Царская роза» в изящной чайнице стоил 3 рубля за фунт, без чайницы — 2 рубля 50 копеек [7, с. 11]. Более поздний источник, газета «Рязанские ведомости» от 21 сентября 1910 г., показывает, что стоимость этого модного продукта выросла. Реклама чайных складов И. Е. Дубинина предлагала один фунт чая за 1 рубль 85 копеек. 30 копеек можно было сэкономить, если заказать сразу 3 фунта, это стоило 5 рублей 25 копеек. Получается, что один фунт чая был дороже одного пуда гречневой крупы.

Чаепитие традиционно сочеталось с употреблением сахара и различных сладостей. Развитие капиталистических отношений постепенно превращало сахар из предмета роскоши в более доступный продукт. В 1860—1861 гг. в среднем на душу населения потреблялся в год 1 кг сахара, а через 20 лет — уже 2 кг [10, с. 258]. В начале XX в. крестьяне потребляли в год в среднем 3,1 кг сахара на одну душу [12, т. 3, с. 297].

Ассортимент кондитерских лавок в городах был богатый, некоторые лакомства, без которых многие современники не представляют своего детства (ириски, помадки, конфеты «Раковая шейка»), были известны и любимы и на рубеже XIX—XX вв. Их стоимость позволяет выяснить реклама на страницах провинциальных газет. Например, газета «Самарские ведомости» от 26 января 1908 г. поместила рекламу фабрики конфет торгового дома И. В. Каргина и А. А. Савинова. Фабрика предлагала полакомиться знаменитыми конфетами «Раковая шейка» стоимостью 24 копейки за фунт или бисквитным печеньем «Дамское» и «Маргарита» по 30 копеек за фунт. Газета «Одесский листок» 27 января 1908 г. опубликовала рекламу кондитерской, которая была готова порадовать сладкоежек рахат-лукумом и халвой. При этом стоимость рахат-лукума составляла 22, а халвы — 20 копеек. Масса не указана, но можно не сомневаться, что подобный товар продавался в фунтах. Другая одесская газета, «Театральный листок», 30 августа 1900 г. приглашала в греческую кондитерскую за вареньем. Из местных фруктов оно стоило 25 копеек за фунт. Лакомство, изготовленное из привозных фруктов, было дороже: апельсиновое — 35, лимонное — 45, финиковое — 50 копеек. Кроме того, можно было приобрести нугу по цене 60 копеек за фунт, шоколадные конфеты — 1 рубль за фунт. Следовательно, один фунт шоколадных конфет (400 г) по цене был почти равен 1 пуду ржаной муки. В целом покупные конфеты оставались для крестьян скорее предметом роскоши, чем ширпотребом.

Употребление чая требует использования и определенной посуды. Развитие стекольного производства насытило рынок посудой из стекла, которая постепенно стала использоваться наравне с традиционной глиняной и деревянной. Прейскурант Дятковской хрустальной фабрики акционерного общества Мальцевских заводов показывает цены на

стаканы разных форм и с разнообразным рисунком. Вновь показательна широкая ценовая линейка — от самых дешевых до весьма дорогих. Самый дешевый, так называемый варшавский гладкий, стоил 4,5 копейки. Далее цены колебались от 8 до 16 копеек, самые дорогие хрустальные граненые стаканы стоили 40—60 копеек за штуку. Стеклопосуда наряду с фаянсовой стала входить и в крестьянские дома. Не случайно героиня картины Клодта пьет чай из фаянсовой или фарфоровой кружки.

В процессе индустриализации в последней трети XIX в. имело значение развитие легкой промышленности, в том числе текстильное производство. Присоединение Средней Азии к России дало возможность получать хлопок для производства дешевых ярких тканей. Они быстро заполнили рынок и завоевали популярность среди крестьян. Как верно заметил профессор В. Б. Безгин, «изменился внешний облик российского села. Уходила в прошлое домотканая одежда, вытесненная изделиями фабричного производства» [2, с. 28]. На смену домотканым льняным рубашам пришли сатиновые, которые выглядели намного наряднее. Б. Г. Литвак писал, что только за 20 пореформенных лет потребление хлопчатобумажных тканей утроилось [10, с. 258]. Украшение одежды вышивкой, узорным ткачеством вытеснялось вставками из фабричных тканей, лентами, бисером, готовым кружевом [14, с. 111].

Приобретение и использование в изготовлении крестьянской одежды покупного кружева и другой фурнитуры становилось определенным социальным маркером: в этой семье есть деньги, они могут позволить себе приобрести фабричное. Интересно, что и это новшество в крестьянской жизни вызывало неодобрение старшего поколения. Об этом упоминал даже В. И. Ленин. В 1919 г. на заседании Петроградского совета, отвечая на записки, он вспомнил, что лет 30 назад в деревне еще можно было слышать от стариков: «А при крепостном праве было лучше, порядку было больше, была строгость, баб роскошно не одевали» [9, с. 10]. Признаком роскоши была не столько стоимость ткани, сколько ее внешний вид: яркие набивные ситцевые ткани выглядели намного наряднее традиционного домотканого полотна. Стоимость его помогают установить записки С. Т. Семенова. По свидетельству писателя, коробейники-торговцы приобретали в городе бумажное полотно по 18—20 копеек за аршин, а в селе оно продавалось по 50—60 копеек за аршин [17, с. 17]. Получается, что если взять отрезы из города, то стоимость обновки могла быть не слишком дорогой.

Приобретение новой модной одежды становилось как способом демонстрации своего статуса, так и новым поводом для вечного конфликта отцов и детей. Одни родители старались приодеть дочь на выданье или сына-жениха, даже, как отмечает С. Т. Семенов, продавали ради этого овцу или свинью [17, с. 23], другие считали это баловством, что отразилось в народном фольклоре. Из деревни в город пришла частушка:

Просила я у тятеньки
Суконнова пальта:
Посулил радушник-тятенька
Ременнова кнута [11, с. 224].

Крестьяне могли покупать как готовые изделия, так и отрезы и шить одежду самостоятельно. И тут хозяйки оказывались перед выбором: продолжать шить вручную, как в старые времена, орудуя иголкой, или постараться найти в домашнем бюджете деньги на еще одну новинку технического прогресса — швейную машинку. Как и в случае с самоваром, можно было приобрести и более дешевую, и очень дорогую модель. Прейскурант товарищества «Торговое дело» предлагал большой выбор. Самая дешевая настольная швейная машинка с колпаком и всеми принадлежностями стоила 29 рублей 50 копеек, за более дорогой вариант надо было заплатить уже 49 рублей. Ножная машинка с под-

ставкой стоила 70 рублей [16, с. 13—15]. Несмотря на то что указанный торговый дом находился в столице, его услугами могли воспользоваться даже в удаленных уголках империи: товар отсылался покупателю по почте и цены указывались с учетом стоимости пересылки. Для приобретения самой дешевой швейной машинки нужно было успешно реализовать более 23 пудов гречневой крупы. Поэтому швейную машинку можно отнести скорее к предметам роскоши, а не к ширпотребу. Однако это был не единственный предмет роскоши, который мог появляться в отдельных крестьянских домах.

Досуговая жизнь крестьян также подвергалась трансформации: приходили новые песни, новые игры, из города в село пришла кадрили, которую с удовольствием отплясывали деревенские парни и девушки [17, с. 25]. В начале XX в. уже не являлись новинкой запись и воспроизведение звука. То же товарищество «Торговое дело» предлагало желающим приобрести граммофоны. Самый дешевый стоил 18 рублей, более дорогие модели — 45 и даже 90 рублей [16]. Однако к этому модному устройству тех лет были нужны еще и пластинки. И желательны несколько, так как пластинка начала XX в. позволяла записать всего одну песню на одной стороне. «Торговое дело» предлагало богатый выбор записей, среди которых церковные песнопения, романсы, оперные арии, в том числе записи известных тогда певиц Вяльцевой, Паниной. Каждая пластинка стоила 1 рубль 25 копеек, т.е. дороже пуда ржаной муки. Поэтому сопровождать свой вечер прослушиванием модного романса мог только очень зажиточный крестьянин.

Музыка в крестьянской среде могла присутствовать и в живом исполнении на дешевых музыкальных инструментах. Прейскурант Юлия Генриха Циммермана от 1903 г. дает представление о стоимости этого вида товаров. И становится понятным, почему народным инструментом стала балалайка. Ее минимальная стоимость составляла 1,5—2 рубля. Более дорогие варианты можно было приобрести за 7, 10 и даже 35 рублей. Немногим дороже были гармошки. Цены на них стартовали с 1 рубля 75 копеек, а на гармошки-итальянки — с 5 рублей. Венские двухрядные гармошки были уже более дорогим товаром, их цена начиналась с 20 рублей.

В жизнь крестьян постепенно входило и чтение. Рубеж XIX—XX вв. отмечался ростом интереса к образованию всех социальных слоев. Как отмечает профессор В. Б. Безгин, «грамотность выступала основой для рационализации крестьянского производства и залогом успешной хозяйственной деятельности» [2, с. 28]. С. Т. Семенов свидетельствует, что крестьяне сами все больше и больше осознавали пользу образования: «Потребность в грамотности все-таки была. Вытекала она из того обстоятельства, что грамотный куда ни есть лучше пробьется: и в Москве скорее место найдет, и в солдатах ему легче будет» [17, с. 42].

Крестьянские дети чаще обучались в низших учебных заведениях. В начале XX в. их число в городе и на селе росло. За период с 1905 по 1913 г. число учащихся выросло значительно: мальчиков — на 56%, девочек — на 44% [8, с. 225]. Кроме того, росло количество низших учебных заведений других ведомств — церковноприходских и земских школ. Поэтому крестьянский мальчик, умеющий читать и писать, в начале XX века был не таким уж редким явлением. Далеко не всегда он заканчивал полный курс обучения даже в низшем учебном заведении. Б. Н. Миронов подчеркивал, что часто крестьяне давали своим детям окончить всего 1 или 2 класса, чтобы они «не испортились» [13, т. 1, с. 339]. Но даже в этом случае навык чтения у них сохранялся. Неслучайно известный художник Н. П. Богданов-Бельский, изображавший крестьянский быт, написал трогательную картину «Новая сказка», на которой изображены крестьянские дети, читающую книжку. Дети сидят на полу в крестьянской избе, на заднем плане видны люлька, лавка, покрытая домотканой дорожкой, в избу заглядывает теленок. Однако само назва-

ние говорит, что чтение сказки для ребятешек уже привычная форма досуга, об этом говорит и сюжет картины: на переднем плане лежат еще несколько книжек, на одной из них примостилась подремать кошка.

Рассмотрим, насколько доступной для крестьянской семьи была покупка книг для детского чтения. Рекламные объявления в газетах и прейскуранты на печатные издания дают ответ и на этот вопрос. Газета «Одесский листок» от 18 января 1909 г. предлагала оформить подписку на полные собрания сочинений А. Конан-Дойля и Ч. Диккенса. Каждое собрание включало 20 томов и стоило 7 рублей с доставкой на дом. Понятно, что подобные предложения вряд ли заинтересовали бы крестьян.

Однако типографии и издательства предлагали большой ассортимент книг различных авторов, в том числе рассчитанных на не очень образованных и не очень обеспеченных читателей. Прейскурант книжного склада и типографии М. М. Стасюлевича за 1889 г. содержит обширный список наименований самых различных изданий. Среди них есть и научные исследования, и учебники, и собрания законодательств, и разнообразные художественные произведения — сказки, сборники рассказов, романы. Полное собрание сочинений Г. Х. Андерсена в 4-х томах стоило 5 рублей, что вряд ли было по карману крестьянину. Исторические книги Н. Костомарова предлагались по 2—3,5 рубля за отдельный том. Повесть для юношества Л. А. Базунова «Не все золото, что блестит» стоила 75 копеек. Известный роман Даниэля Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» предлагался за 1,5 рубля. Таким образом, в начале XX в. книги были достаточно дорогими. Если повезет, то можно было приобрести понравившиеся издания на распродажах, которые время от времени объявлялись в магазинах и лавках. «Одесская газета» от 1 января 1909 г. приглашала на распродажу книг в Пассаж. Сборник рассказов К. Т. Котовича предлагалось купить за 15 копеек вместо прежних 40, сборник поэтических произведений Т. Г. Шевченко «Кобзарь» — за 1 рубль (ранее цена составляла 1,5 рубля), исследование П. В. Засодимского «Наследие веков» стоило 50 копеек (ранее 1 рубль), цены на книги Л. Н. Толстого колебались от 40 до 50 копеек (со скидкой от 20 до 25 копеек).

Из прейскуранта М. М. Стасюлевича и в самом деле следует, что отдельные книжки со сказками были по карману даже семьям с невысоким доходом, в том числе они могли оказаться и в крестьянской избе. Отдельное издание сказки Андерсена «Садовник и его господин» можно было приобрести за 5 копеек, аналогичные издания сказок братьев Grimm («Ворон», «Вещая птичка», «Шесть лебедей») стоили по 3 копейки. За 5 копеек можно было купить повесть Н. Карамзина «Наталья — боярская дочь». От 3 до 6 копеек стоили отдельные издания произведений М. Ю. Лермонтова: «Мцыри», «Демон», «Тамань». Дешевые книжки были распространенным товаром коробейников, которые приходили из города на село [14, с. 129].

Кроме книг в жизнь крестьян стало входить и чтение периодических изданий. Развитие печатного дела удешевило издание газет и журналов. К концу XIX в. их ассортимент для целевой аудитории (профессиональной, женской, детской) был обширен. В том числе появились газеты, ориентированные на самые низшие слои. Так, для рабочих в Ростове-на-Дону выходила «Копейка». Имелись издания и для крестьян. Газета «Казанская жизнь» от 24 октября 1910 г. рекламировала газету «Техника и сельское хозяйство», где печатались рекомендации по сельскохозяйственным и ремесленным вопросам. Стоимость подписки составляла 1,5 рубля в год.

Газета «Самарские ведомости» (от 12 января 1908 г.) дала рекламу газеты «Сельский вестник», которая анонсировалась как «газета для крестьян, землевладельцев и кулаков и других сельских жителей». В ней обещалось сообщать информацию о правах сельских обывателей, организации местного самоуправления, порядке прохождения во-

инской службы, способах улучшения ведения сельского хозяйства и кустарного производства. Воскресные номера дополнялись статьями духовно-нравственного содержания и рассказами об исторических событиях. Газета выходила 300 раз в год, годовые подписчики имели право присылать в газету свои вопросы, ответы и пояснения к которым публиковались в последующих номерах. Стоимость этого издания составляла 2 рубля в год.

Конечно, община могла выписывать нужное крестьянину издание в складчину — один экземпляр на деревню, но для этого было необходимо достаточное количество грамотных крестьян, которые понимали значение новшеств в сельскохозяйственном деле и ценили газету за необходимую информацию, а также умели читать в принципе. Нельзя не отметить еще раз консерватизм российского крестьянина: новшества им принимались медленно, часто рассматривались как баловство. И это касалось не только самовара и фабричных тканей, но и новых способов обработки земли. Даже использование плуга, который значительно улучшал обработку почвы, порой встречало сильное сопротивление [8, с. 12].

Однако новое хотя и медленно, но пробивало себе дорогу. В крестьянских избах в начале XX в. уже могли появляться и письменные принадлежности. Не случайно на картине Михаила Клодта у крестьянки на заднем плане стоят счеты. Ведение торговых дел требовало производства расчетов. Да и для детей-школьников они были необходимы. «Прейскурант письменных и канцелярских принадлежностей» (Ярославль, 1903) позволяет установить стоимость счет и других канцелярских товаров. Цена счет зависела от размера и колебалась от 65 копеек до 2,5 рублей, пачка почтовой бумаги стоила 20 копеек, дюжина черных карандашей «ученические» — 10 копеек, чернильные карандаши, которые надо было смачивать, стоили 16 копеек за дюжину. Писали не только карандашами, но и перьями, которые вставлялись в ручки. Стоимость перьев начиналась от 32 копеек за коробку.

Конечно, рынок тех лет предлагал и самые настоящие предметы роскоши. Это касалось и товаров, на которые был установлен широкий ценовой диапазон, т.е. предлагались варианты как дешевые, так и достаточно дорогие. Как уже отмечалось, к таким товарам относились самовары, граммофоны, некоторые музыкальные инструменты. В широкую линейку стоимости входил еще один товар, который был во многих крестьянских домах, — охотничье ружье. Хранение и использование охотничьего оружия не требовало никакого разрешения (в отличие от короткоствольного нарезного). Для крестьян охота была не столько развлечением, сколько еще одним способом разнообразить свой стол. В лес на промысел ходили и взрослые, и мальчики-подростки. Стоимость охотничьего ружья варьировала так же сильно, как и стоимость самоваров. «Прейскурант склада и магазина оружия И. И. Чинова» (СПб., 1915) показывает, что самую дешевую модель дробового ружья можно было приобрести за 14 рублей, затем в прейскуранте указываются модели за 22, 28, 55 и 115 рублей. Наибольшая стоимость этого оружия доходила до 600 рублей, т.е. превосходила самый дешевый вариант более чем в 40 раз.

Наиболее важным вопросом, позволяющим оценить доступность этих товаров для крестьян, является доходность крестьянского хозяйства. Примерные цены на сельскохозяйственные и промышленные товары позволяют подсчитать, сколько надо было крестьянину продать, чтобы приобрести нужный товар. Однако не менее актуален и вопрос о том, какое количество товара мог позволить себе реализовать крестьянин, чтобы потом шиковать в городских лавках. По свидетельству С. Т. Семенова, в Московской губернии в начале XX в. крестьянин мог произвести сельскохозяйственной продукции разного рода (рожь, овес, конопля, картофель, сено) примерно на 90 рублей за год. Однако

часть произведенного требовалось оставить для прокорма собственной семьи и скота, и только остальное можно было реализовать. За это крестьянин мог выручить примерно 30 рублей, из которых часть шла на оплату услуг мельника, маслобойни, выплату податей и страховых взносов. Поэтому к свободному расходованию оставалось 6—7 рублей [17, с. 35]. При таком раскладе на самовар надо было копить 2—3 года (с учетом других покупок), а швейная машинка переходила в разряд предметов роскоши. Про граммофон уже и мечтать не приходилось.

Однако многие крестьяне находили дополнительный заработок, тратя зимние месяцы на отхожие промыслы или производство товаров на дому, например, плетение лаптей, изготовление глиняных игрушек и прочих кустарных изделий. Некоторые окончательно разрывали с сельским хозяйством, занимаясь торговлей, открывая производство. В таком случае доход мог быть намного выше, сопоставимым с доходом чиновника или служащего с высшим образованием.

Для примера обратимся к уголовному делу, которое слушалось в Московской судебной палате. Рассматривалось обвинение в отношении служащих железной дороги, по халатности которых погиб крестьянин села Старлетова Зарайского уезда. Весьма интересным в этом деле был гражданский иск к железной дороге. Погибший содержал пекарню и мелочную лавку. Эти два предприятия давали такой доход, что, согласно показаниям свидетелей, пострадавший крестьянин тратил на семью 150 рублей в месяц, т.е. 1800 рублей в год [6, л. 97], что превышало жалованье судебного следователя с высшим образованием (1200 рублей в год) и учителя гимназии (600 рублей в год). Понятно, что в доме этого крестьянина могли быть и граммофон, и швейная машинка, и разнообразные книги (младший брат этого крестьянина обучался в гимназии). Другой пример: учительница из с. Шелковка Медвенской волости Курской губернии Л. И. Соловьева сообщала в Этнографическое бюро про увлечение местного крестьянина — владельца мельницы: «Все возится с книжками, которые покупает у коробейников» [14, с. 131].

Заключение

Таким образом, анализ источников показывает, что на рубеже XIX—XX вв. шло активное формирование потребительского рынка. Развитие капиталистических отношений сопровождалось появлением новых товаров и социальных практик, которые входили в повседневную жизнь всех социальных слоев. Происходил процесс трансформации целого ряда товаров: предметы роскоши благодаря совершенствованию производства превращались в ширпотреб, т.е. товары широкого потребления.

Появление ширпотреба можно рассматривать как признак весьма серьезных трансформаций в обществе. Ценовая политика производителя товаров отражает процесс социального расслоения общества. В среде представителей всех сословий выделялись как обеспеченные слои, так и люди с низким уровнем доходов. Соответственно возникали широкие линейки товаров, отличающихся в цене. Среди товаров схожего функционального назначения на рынке присутствовали и предметы роскоши, и товары, доступные массовому потребителю за весьма скромную цену. Это становилось одной из составляющих процесса слияния сословий, размывания сословных различий. Изменения затронули в том числе и самый многочисленный и одновременно консервативный социальный слой — крестьянство.

Анализ цен на ряд товаров позволил сделать вывод, что производитель на рубеже веков уже рассматривал крестьян в качестве потребителей своей продукции, предлагая им товары низкого ценового диапазона. Как совершенно верно заметил Б. Г. Литвак, «Россия оставалась страной деревенской, но жизненный уклад населения менялся» [10, с. 261].

Крестьяне все больше и больше вовлекались в торговые отношения, приобретая промышленные товары: самовары, ткани, керосиновые лампы, посуду, орудия труда, книги и письменные принадлежности. В российской деревне происходили серьезные социальные изменения — от активизации товарно-денежных отношений до повышения уровня образования крестьянства. Поскольку крестьянство представляло собой самый широкий социальный слой, все это свидетельствовало о глубоких модернизационных процессах в российском обществе в указанный период.

Список источников

1. Барышников А. В. Повседневная хозяйственная жизнь русского крестьянства Елабужского уезда Вятской губернии в пореформенный период // Экономическая история. 2017. № 2 (37). С. 83—91.
2. Безгин В. Б. «Жизнь в эпоху перемен»: восприятие российским крестьянством модернизации конца XIX — начала XX века // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, почет. проф. МПГУ и РГУ им. С. А. Есенина, засл. деятеля науки РФ Э. М. Щагина / под общ. науч. ред. А. Б. Ананченко. М. : Московский пед. гос. ун-т, 2018. С. 23—29.
3. Безгин В. Б. История российского крестьянства. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 108 с.
4. Безгин В. Б., Ерин П. В. Крестьянская семья и крестьянская община на рубеже XIX—XX вв. (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. Т. 18, № 2. С. 498—507.
5. Беляева Н. Ф. Повседневная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XX в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 2 (34). С. 8—21.
6. Государственный архив Рязанской области. Ф. 640. Оп. 45. Д. 84.
7. Заметки для любителей чая. Прейскурант Ивана Иосифича Корещенко. М. : В тип. Шюман, 1870. 16 с.
8. Иванова Н. А. Формирование среднего класса в Российской империи в конце XIX — начале XX века: теория и конкретика. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 294 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38 : Март — июнь 1919. М. : Изд-во полит. литературы, 1969. 580 с.
10. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М. : Политиздат, 1991. 302 с.
11. Маслова И. В. Городские легенды и поверья как форма трансляции повседневного опыта провинциального купечества второй половины XIX — начала XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 218—227. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/14_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.14.
12. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014—2015. Т. 1. 2014. 892 с. ; Т. 2. 2014. 907 с. ; Т. 3. 2015. 989 с.
13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с. ; Т. 2. 582 с.
14. Мухина З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М. : ИЭА РАН, 2012. 299 с.
15. Росту У. Пять стадий роста. Резюме // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950—1960 гг. : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. социологии и социал. психологии, Отд. полит. науки ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. М. : [б. и.], 2012. С. 21—34.
16. Санкт-Петербургское торговое и фабрично-заводское товарищество «Торговое дело». Краткий каталог товаров, имеющихся на складе. СПб. : [б. и.], [1913]. 16 с.
17. Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Петроград : Жизнь и Знание, 1915. 373 с.
18. Товарищество паровой самоварной фабрики наследников В. С. Баташова. Прейскурант. Тула : [б. и.], [19?]. 36 с.

References

1. Baryshnikov A. V. Povsednevnyaya khozyaistvennaya zhizn' russkogo krest'yanstva elabuzhskogo uyezda Vyatskoi gubernii v poreformennyi period [Everyday economic life of Russian peasantry in Yelabuga district of

Vyatka province in the post-reform period]. *Ekonomicheskaya istoriya — Economic History*, 2017, no. 2 (37), pp. 83—91. (In Russian)

2. Bezgin V. B. “Zhizn” v epokhu peremen”: vospriyatie rossiiskim krest’yanstvom modernizatsii kontsa XIX — nachala XX veka [“Life in an era of change”: The Russian peasantry’s perception of modernization in the late 19th — early 20th centuries]. *Obshchestvo i vlast’ v imperatorskoi Rossii, SSSR i sovremennoi Rossiiskoi Federatsii: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati d-ra ist. nauk, pochet. prof. MPGU i RGU im. S. A. Esenina, zasl. deyatelya nauki RF E. M. Shchagina* [Society and power in imperial Russia, the USSR, and the modern Russian Federation. Proceed. of the Internat. sci. conf., dedicated to the memory of doctor of historical sciences, honorary professor of Moscow Pedagogical State University and Russian State University named after S. A. Yesenin, honored scientist of the Russian Federation E. M. Shchagin]. Moscow, Moskovskii ped. gos. un-t Publ., 2018, pp. 23—29. (In Russian)

3. Bezgin V. B. *Istoriya rossiiskogo krest’yanstva* [History of the Russian Peasantry]. Tambov, GOU VPO TGTU Publ., 2011. 108 p. (In Russian)

4. Bezgin V. B., Erin P. V. Krest’yanskaya sem’ya i krest’yanskaya obshchina na rubezhe XIX—XX vv. (na materialakh Tambovskoi gubernii) [The peasant family and peasant community at the turn of the 19th and 20th centuries (Based on materials from Tambov province)]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 498—507. (In Russian)

5. Belyaeva N. F. Povsednevnyaya zhizn’ mordvy vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Everyday life of the Mordvins in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Gumanitarii: aktual’nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 2 (34), pp. 8—21. (In Russian)

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti* [State Archives of the Ryazan Region]. F. 640. Op. 45. D. 84.

7. *Zametki dlya lyubitelei chaya. Preiskurant Ivana Iosificha Koreshchenko* [Notes for tea lovers. Price list by Ivan Iosifovich Koreshchenko]. Moscow, V tip. Shyuman Publ., 1870. 16 p. (In Russian)

8. Ivanova N. A. *Formirovanie srednego klassa v Rossiiskoi imperii v kontse XIX — nachale XX veka: teoriya i konkretika* [The formation of the middle class in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. Theory and specifics]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 294 p. (In Russian)

9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 38 : Mart — iyun’ 1919* [Complete works. 5th ed. Vol. 38: March — June 1919]. Moscow, Izd-vo polit. literatury Publ., 1969. 580 p. (In Russian)

10. Litvak B. G. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas’ reformatorskaya al’ternativa* [The 1861 revolution in Russia. Why the reformist alternative failed]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 302 p. (In Russian)

11. Maslova I. V. Gorodskie legendy i pover’ya kak forma translyatsii povsednevnogo opyta provintsial’nogo kupechestva vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Urban legends and beliefs as a form of representing everyday experience of provincial merchants in late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 218—227. Available at: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/14_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.14. (In Russian)

12. Mironov B. N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire. From tradition to modernity. In 3 vols]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014—2015, vol. 1, 2014. 892 p. ; vol. 2, 2014. 907 p. ; vol. 3, 2015. 989 p. (In Russian)

13. Mironov B. N. *Sotsial’naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia during the imperial period (18th — early 20th centuries). In 2 vols]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, vol. 1. 547 p. ; vol. 2. 582 p. (In Russian)

14. Mukhina Z. Z. *Semeinyi byt i povsednevnost’ krest’yan Kurskoi gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoi Rossii* [Family life and everyday life of peasants in Kursk province. Traditions and dynamics of change in post-reform Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2012. 299 p. (In Russian)

15. Rostou U. Pyat’ stadii rosta. Rezyume [Five stages of growth. Summary]. Nikolaev V. G. sost. i per. *Kontseptsiya modernizatsii v zarubezhnoi sotsial’no-politicheskoi teorii, 1950—1960 gg.: sb. perevodov* [Nikolaev V. G. compiled and translated. The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950—1960. Collect. of transl.]. Moscow, 2012, pp. 21—34. (In Russian)

16. *Sankt-Peterburgskoe torgovoe i fabrichno-zavodskoe tovarishchestvo “Torgovoe delo”. Kratkii katalog tovarov, imeyushchikhsya na sklade* [St. Petersburg trading and manufacturing partnership “Trading Business”. Brief catalog of products available in stock]. St. Petersburg, [1913]. 16 p. (In Russian)

17. Semenov S. T. *Dvadsat’ pyat’ let v derevne* [Twenty-five years in the village]. Petrograd, Zhizn’ i Znanie Publ., 1915. 373 p. (In Russian)

18. *Tovarishchestvo parovoi samovarnoi fabriki naslednikov V. S. Batashova. Preiskurant* [Partnership of the steam samovar factory of the heirs of V. S. Batashov. Price list]. Tula, [19?]. 36 p. (In Russian)

Информация об авторе

А. Д. Попова — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

A. D. Popova — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 29.03.2026;
принята к публикации 20.08.2026

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 29.03.2026;
accepted for publication 20.08.2026